

ЕЛЕНА.СЧАСТНАЯ

18+

ВОИН ЗАБВЕНИЯ

ГРАНИТНЫЙ ЧЕРТОГ

Елена Счастливая
Воин забвения.
Гранитный чертог
Серия «Фэнтези славянского
мира. Русский взгляд»
Серия «Фэнтези славянского
мира. Русский взгляд»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/68899872>

Воин забвения. Гранитный чертог: Издательство АСТ; М.; 2023

ISBN 978-5-17-152867-6

Аннотация

<p>В детстве Млада пережила страшную трагедию – набег жестоких вельдов, которые убили всю ее семью и сожгли деревню. Месть стала целью жизни девочки, и со временем Млада превратилась в искусную наемную убийцу, без жалости и страха. Она отправляется в столичный Кирият, чтобы вступить в дружину князя Драгомира и настичь тех, кто погубил ее род. Но древнее колдовство, связанное с тайной ее прошлого, грозит разрушить ее планы. Сможет ли Млада исполнить свой замысел – и найти в Кириате нечто большее, чем возмездие?</p>

Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Счастливая

Воин забвения.

Гранитный чертог

© Е. Счастливая, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Пойду я в чисто поле, есть в поле белый кречет.
Нелегко его найти, да легко увидеть. Перья его что
солнце сияют, путь мой озаряют. Попрошу я белого
кречета: слетал бы он в чисто поле, в сине море,
в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота.
И попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она
помощи, открыла завесу передо мной. Слепа я, не вижу,
да хочу увидеть. Узнать, что будет, что ждет меня.
Жизнь ли, смерть ли, любовь иль ненависть, путь
трудный или спокойствие...*

*Сел бы белый кречет на белу грудь да послал мне
сон всевидящий. Как мать быстра Нейра бежит, как
пески с песками споласкиваются, как кусты с кустами
свиваются, травы с травами сростаются, так и я
нашла бы во сне успокоение иль предостережение.*

И пусть сон мой будет таким, каким есть, ни хуже,

ни лучше...

Пролог

Капище горело жарко.

Дубовые идолы еще не занялись пламенем, но сухую траву между ними оно уже почти совсем сожрало. А истуканов огонь только оглаживал понизу яркими всполохами, будто не решался взяться в полную силу. Лики богов от грядущей опасности ничуть не менялись. Они так же неподвижно смотрели в пустоту или бесконечность, прошлое или будущее. Так казалось со стороны. А подойди ближе – глянут точно в самую душу.

И, знать, им не понравилась бы та чернота, которую они увидели бы в душе Корибута. Впрочем, ему уже давно стало все равно, что могли бы подумать о нем боги, если бы вдруг их хоть на мгновение обеспокоили земные дела и заботы лю-

дей. Но им все нипочем.

Корибут спрыгнул с коня наземь и бросил поводья подошедшему ватажнику. Остальные всадники нагоняли его со спины. Пешие и вовсе поднимутся к обрыву нескоро. А пока лишь свет их факелов сквозь вечерний полумрак метался вниз. Корибут, придерживая на поясе меч, прошел по тропе между охваченных дрожащими отсветами пожара сосен. Яростный ветер вздыбил плащ за спиной и бросил в лицо горячую волну от капища.

– Куда ты один, владыка? – запоздало крикнули вслед. – А вдруг стрела...

Не посмеют. Страх не позволит вскинуть лук и натянуть тетиву. Они считают его чудовищем – кошмарным и несокрушимым, как те, которых он призывал. И боятся наказания. Почти все.

Древнеры, те, кто остался в живых, толпились у подножий своих деревянных покровителей. Искали защиты, но, верно, знали, что не найдут ее. Лишь дойдя до капища, Корибут понял, что здесь вовсе не все сбежавшие из деревни. По всему, женщин и детей с частью воинов древнеры отправили в другую сторону. Тайными тропами, которые знал только их род. А его с приспешниками завели сюда. Только эти последние уловки уже никого не спасут.

Впереди, будто пытаясь заслонить собой потрепанных, но все еще могучих воинов, стоял волхв. Его посеревшая от пыли и копоти рубаха до пят под порывами ветра облепляла

тщедушное старческое тело. Седая борода с застрявшими в ней иголками и древесной трухой мела по груди. Но узловатые пальцы все так же крепко сжимали сучковатый посох с хитро изогнутым навершием.

Корибут сделал еще шаг и остановился. Выло пламя, стояло горящее дерево занявшихся идолов. Древнеры, продолжая держать бесполезное оружие, боязливо озирались и вздрагивали. Их слишком мало.

Волхв выпростал перед собой руку.

– Гнев богов не минует тебя, Корибут! – крикнул он на удивление молодым голосом. Мужики за его спиной приободрились. – Одумайся, если еще можешь!

– Гневом богов можешь пугать трусливых псов, что еще силятся тебя защитить, старик. А мне он безразличен. Им не дотянуться до меня. Уже не дотянуться.

Волхв глубже воткнул посох в землю, словно искал опоры. Обеспокоенно он посмотрел поверх плеча Корибута. Значит, из леса уже показались ватажники. А через миг донесся и глухой стук копыт.

– Нет, Корибут. Из той тьмы, в которую ты добровольно зашел, тебе не разглядеть всего, что творится вокруг. Забвение застилает тебе взор. Ты мнишь себя равным богам, но только возишься в пыли у их подошв. И будешь раздавлен.

– Так или нет, тебе уже не суждено увидеть. Ни тебе, ни твоему племени. Я достану каждого из выживших. И они пожалеют, что не подошли раньше, еще до того, как задумали

предать меня.

Корибут махнул рукой вперед, давая войску приказ наступать. Скорей бы покончить с этим.

Притихшие было позади воины снова хлынули к капищу, которое уже совсем поглотило пламя. От жара стоять рядом становилось решительно невозможно. Древнеры оцетинились оружием, вдруг позабыв про страх. Предсмертное отчаяние может вытеснить из души и его. Тогда мужи бросаются в бой с особой яростью, даже зная, что победить не смогут.

Волхв со спокойной улыбкой гордого отца окинул их взглядом и снова повернулся к Корибуту.

– Ты будешь последним мужем из своего рода, – размеренно и зычно проговорил он. – После тебя не родится мальчиков ни у детей твоих, ни у их детей и дальше. Твоя кровь смешается и растворится в другой. И память о тебе угаснет, как забывается заживший нарыв. Ветер развеет в пыль твой дом, земля поглотит твои кости. Камнем обратится твоя душа. Но не будет тебе покоя. И бессилен ты будешь родиться вновь.

Словно замедлили ход всадники, что еще миг назад проносились мимо в неистовой скачке. Стихли крики и рев разгоряченных воинов. Замерло пламя, бушующее за спиной волхва, и глянули последний раз идола поверх него, чтобы пропасть насовсем, обратиться тлеющими головнями и золой.

Старик взмахнул в воздухе посохом, вычерчивая мудре-

ный знак, который на мгновение вспыхнул светящейся полосой, как подброшенная вверх лучина, и погас.

Ринулись в бой древнеры. Первых тут же сбили с ног стрелы, другие и не взглянули на погибших родичей. Они забегут с собой многих, до кого дотянутся мечами и топорами. Но и сами все полягут здесь. На глазах своих богов, которые не сумели их уберечь.

Исеченное морщинами лицо волхва еще мгновение мелькало среди остальных, искаженных яростью и безумием последней схватки. А потом пропало: то ли убила старика случайная стрела, то ли он прыгнул в пламя. Но когда Корибут, вынуд на ходу меч, прорубился к тому месту, где тот стоял, то никого не нашел.

Показалось только, что хрипло каркнул над головой ворон.

Прозвучал вдалеке, за опушкой, рог. Знакомый то был звук – с ним выходил на охоту младший брат Корибута со своими ближниками. Он спешил на подмогу погибающим древнерам, но, как ни торопись – не успеет. Ватажники смешались, дрогнули, выискивая глазами предводителя – какие будут приказы? Он ничего не сказал. Лишь, сняв перчатку, приложил руку к земле. Пальцы провалились в податливую, словно теплая смола, ткань Забвения. Воздух задрожал, но не от дыхания огня, что веселился на остатках капища. Расползся в стороны мрак наступающей ночи, из прорехи хлы-

нула наружу еще более страшная тьма, а вслед за ней – рык тварей, что там прятались.

– Хоть кто-то отступит – окажется там, – провозгласил Корибут изменившимся голосом, указывая на вздрагивающий проход между мирами.

И какой бы жуткий гомон ни стоял кругом, его слышали. Ночь будет длинной.

Глава 1

С самого рассвета на задворках «Холодной кружки» творилась полная неразбериха. Толпились обозы, готовые выезжать, и те, что только прибыли на постой. Возницы переругивались, то и дело замахиваясь друг на друга хлыстами, а увещевания Челака, хозяина постоянного двора, их вразумить никак не могли. До ушей-то долетали вряд ли. Мужики, пыльные и потные с дороги – такая жара стоит, ведь бабье лето разгулялось в полную силу – злились все больше. Купцы оставили свой товар на их попечение, а сами, небось, уже вовсю прохлаждались в харчевне. Что потеряешь или попортишь – заплатишь сполна.

Челак метался между телегами ну точь-в-точь хлопотливая большуха между внуками – и каждого боялся обидеть.

Большой Торг в столице княжества Крияте, лежащей много севернее – дело нешуточное. Даже в отдаленных деревнях, таких как Пастерна, чувствовалось его приближение. Навар с постояльцев рос – значит, зима не будет голодной. Но всех надобно уважить. Проезжих обозов становилось непомерно много, как и хлопот, а вот рук у хозяев харчевен и постоялых дворов оставалось, как и прежде, по две.

Потому Млада перестала торопить Челака: сначала она неспешно ходила за ним, время от времени о себе напоминая, а потом и вовсе остановилась под навесом, в тени. Хотя и скинула плащ, а в кожаном нагруднике поверх рубахи все одно спечешься. Отправляться дальше она намеревалась только завтра. А значит, можно и подождать.

Кое-как разместив повозки с товарами на забитых донель-зя задворках, Челак приказал подручному писарю сделать последние пометки и огляделся. Теперь вокруг был хоть какой-то порядок. Возницы, охрипнув от ругани, разошлись, лошадей и волов уже начали обиходовать расторопные мальчишки – за пару медяков и напоят, и корма натаскают. Хозяин удовлетворенно вздохнул и собрался было вернуться в «Кружку». Но заметил Младу и снова помрачнел.

– Так купишь мою лошадь, Челак? Или что? – она отошла от опоры навеса, к которой до того прислонялась плечом.

– Я тут подумал, зеленоглазая... А так ли нужна мне твоя лошадь? – отмахнулся тот. – К тому ж с треснувшим копытом.

– Да разве это беда? А в том, что ваш кузнец-тихоня сызнова подковать ее сейчас не может, не моя вина.

– А ты видишь, что у нас творится? – Челак махнул рукой себе за спину. – Да леший ногу сломит! Еще со дня на день мытник княжеский приедет, с кметями. Запропастился где-то. Тож морока. Староста уже всю плешь проел.

Будто в подтверждение своих слов он провел ладонью по блестящей на солнце лысине.

– Моя какая забота? – Млада сделала шаг к нему. – Ты мне что сказал? Что лошадь возьмешь. И о цене мы сговорились. Хорошая лошадь-то.

– Кто ж спорит... – Челак опасливо на нее покосился. Взглянул и на меч у пояса, и на скрамасакс в ножнах с другой стороны. – Но ты подожди. Вот утрясется все...

– Да не могу я ждать. Мне до Кирията немного осталось, а я тут с тобой лясы точу весь день.

Надо же было случиться тому, что у ее кобылы треснуло копыто как раз недалеко от этой проклятушей деревни, где в преддверии Торга и другой не раздобудешь, и подковы новой не дождешься. Да и все одно на той лошади до города не доехать, ей теперь отдых нужен. Хозяин предыдущего постоянного двора о том, чтобы кобылу выкупить, и говорить не захотел. А Челак вроде согласился – да только все тянул с деньгами, ссылаясь на бесконечные заботы.

Скорей бы уж добраться до Кирията – благо и пешком дойти теперь можно. Там, коли все удастся, как задумано,

будет и лошадь, и кров, и спокойный сон по ночам. А не та тяжелая дремота, когда не столько отдыхаешь, сколько пытаешься хоть краем уха уловить подозрительные шорохи; и в каждом треске ветки чудится опасность, заставляя вскакивать и хвататься за штанину, пустую без привычного чехла с кинжалами.

– Вечером приходи – заплачу, – Челак вымученно улыбнулся. – А теперь иди, иди, зеленоглазая. Поешь чего, что ли.

– Ну, смотри, Челак. Не обмани.

Откинув с плеча за спину тяжелую косу, Млада одарила хозяина последним угрожающим взглядом и вернулась в шумную харчевню. Здесь уже разместились только приехавшие купцы вместе со своими ватажниками. Еще чуть-чуть – и будет не протолкнуться. В плотном воздухе лишь иногда прокатывались прохладные волны, когда кто-то открывал входную дверь.

Млада не собиралась тут задерживаться. Она хотела было подняться в свою комнатенку, но краем глаза увидела в зале знакомое лицо и невольно остановилась у стойки, за которой хлопотал старший сын Челака. Рожа та ничего хорошего не сулила.

За столом у окна, будто бы ничуть не таясь, сидел герзак, человек, следящий за тем, чтобы никто из Гильдии арияш¹ не нарушал ее правил. И вряд ли он оказался тут случайно.

¹ Арияш – (*арив.*) наемный убийца, член Гильдии, основанной в Ариване много сотен лет назад. – *Здесь и далее прим. автора.*

Млада покинула южный Ариван с луну назад, никому о том не сообщив. Она не собиралась скрываться или идти против Кодекса, но, зная, урхас² решил все доподлинно проверить. Одноглазый посыльный, наклонившись над своей тарелкой, в которой дымилась какая-то снедь, неподвижно глядел на Младу и ждал. Он знал, что нужный человек его увидит. Но вот уж в этой стороне его хотелось видеть меньше всего.

Она неспешно подошла и села напротив герзака, махнула подавальщице. Та, кивнув, мигом принесла и поставила перед ней запотевшую кружку с квасом. Название двора не обманывало: она и правда была холодной, аж пальцы сводило. Млада сняла перчатку и, проведя ладонью по ледяному боку, подняла взгляд.

– Ты, Равдан, зря тратишь время, чтобы следить за мной.

Белобрысый герзак усмехнулся и отправил в рот ложку с тушеной капустой, смахнул с бороды рассол.

– А ты, красавица, не сбегай, – прожевав, сказал он.

– Я не сбегала.

– Да ну? Тогда твоя прогулка на север затянулась.

– У меня в Кирияте дела, – Млада отпила кваса. По горлу приятно разлилась прохлада. – А вот у вас пока ко мне дел нет.

– А коли будут? – Равдан прищурился.

– Разве я против? Я покамест останусь в Кирияте – там меня и найти сможете, если понадобится. Вот только по пя-

² Урхас – (*арив.*) управляющий Гильдии арияш.

там за мной ходить не надо.

– Что поделаться... Ты у урхаса на особом счету. Если не секрет, зачем тебе в Кирият? Гляжу, приделась, точно воин. Только, слышал я, в здешних местах воительниц не водится.

Млада поразмыслила. И отвечать ей не хотелось, и особой тайны в ее намерениях не было. В кой-то веки она решила пойти по честному пути – судить ее не за что.

– В дружину княжескую хочу попасть.

Одноглазый удивленно вскинул брови и коротко хохотнул.

– Тебе мало денег, которые ты получаешь от Гильдии? Аль мужиков вокруг мало? Зачем в дружину? Кабала да и только.

– Должок отдать надо. Давний.

Герзак перестал нахально улыбаться и помолчал, постукивая ложкой по столу.

– Не мое это дело, Млада, и больше допытываться я не стану. Но пусть протухнут мои кишки, если я хоть раз такое встречал. Чтобы арияш рвался на княжескую службу... – Он снова громко хмыкнул. – Ты, главное, без глупостей. Кто знает, что у вас, баб, в головах творится. Сущий же мрак!

Герзак ткнул Младу пальцем в лоб, пытливо всматриваясь в ее лицо единственным глазом. Несмотря на шуточный тон, она прекрасно расслышала в его словах угрозу. Но напоминать о возможной расплате большой надобности не было: она и так знала все постулаты Кодекса – хоть ночью раз-

буди. Гильдия не просуществовала бы так долго, если бы не строгие правила, за нарушение которых очень часто грозила смерть.

– Не беспокойся.

Млада встала, бросила на стол несколько медяков и ушла. Сидеть рядом с герзаком, который чуть что без раздумий решит с ней расправиться, радость та еще.

* * *

Кирият еще издалека встретил Младу гомоном сотен голосов, который вырывался из открытых ворот городской стены. Сюда по Южному тракту и каменному мосту, перекинутому через размеренно текущую Нейру, на Торг без конца съезжались повозки и целые обозы. Да и затеряться среди пеших путников сейчас было проще пареной репы. Надвинув сильнее капюшон плаща, что нынче защищал от солнца, а не от холода, Млада вошла в посад. Удостоилась только беглого взгляда стражника из тех, что проверяли каждого прибывшего торговца и записывали привезенные ими товары на воощенные дощечки. А до нее им интереса нет: в тощем заплечном мешке ничего не спрячешь.

В иссушенное ветром и солнцем лицо дохнуло воздухом, тягучим и пряным от жары, смеси запахов конского пота и свежих опилок, пыли и горячего хлеба. Млада огляделась в поисках пекарни, но среди почти одинаковых невысоких,

большей частью деревянных домов ее не нашла. Нутро жалостливо отозвалось голодом. Стоило бы найти место, чтобы остановиться и поесть, но в сутолоке, что началась сразу за воротами, сложно было пробраться куда нужно.

Жизнь в посаде кипела. По улицам туда-сюда сновали люди: одни громко переговаривались, другие спешили по своим делам или на Торг. Среди горожан мелькали хитроглазые мальчишки, наверняка не упускающие случая стащить у зазевавшегося путника кошелек с монетами – стоит держать ухо востро. Возница, управляющий телегой, откуда почти валялись пузатые тюки, гикнул, заставив отпрыгнуть в сторону. Хмурые волы протопали мимо, таща за собой рискующую опрокинуться ношу. Млада постояла немного у обочины и, проводив недобрый взглядом наглого возницу, двинулась вслед за гомонящим потоком людей.

Ее толкнули в плечо один раз, потом другой – сильнее. Уворачиваясь и петляя, незаметно для себя Млада оказалась в самой гуще Торга. Вот уж куда совсем не собиралась. Поняла она это, только когда, отряхивая плащ от муки, вышла в торговые ряды. Здесь оказалось гораздо просторнее: люди неспешно прогуливались, разглядывая пестрящие разнообразием прилавки. Другие остервенело торговались, стараясь перекрычать соседа. Духота падала тяжестью на голову.

Млада скользнула взглядом по лотку проходящего мимо булочника, хотела остановить его, но тут за спиной гаркнул мужской голос:

– Эй! Да ты што, холера! Обмануть меня решил? Да этому хомуту красная цена три гроша!

– Три гроша, знашь, куда себе засунь... – не остался в долгу торговец с загорелым лицом и лихо топорщащимися усами. – Не ндравится – отойди, не загораживай своим брюхом товар! На кой тебе хомут? На тебе самом пахать впору.

– Да супонь же тоща, как сопля! – не унимался покупатель, утирая с покрасневшего лба пот. – Войлока тож пожалел, сквалыга. И не стыдно же тебе людям головы морочить!

– Сгинь с глаз моих, злыдень...

Млада не дослушала разговор о недостатках хомута и отошла, потирая звенящее от хая красномордого покупателя ухо. Тем временем лоточник с выпечкой уже куда-то убежал.

Силясь найти хоть какой-то выход с Торга, Млада не пыталась протолкнуться к прилавкам и шла, придерживая кошель на поясе и разглядывая товары издалека. Повеяло восточными пряностями, но тут же их аромат перекрыл резкий запах дегтя. Рябило в глазах от вышитых платков, развевающихся на легком ветру, витых гривен, от монист из самоцветов и чеканных бляшек. Гудела голова от выкриков торговок и визга детей, требующих сладостей.

Вдруг разношерстную толпу сменили мужчины, которые медленно и с толком прохаживались между прилавками с оружием и полезным в хозяйстве скарбом. Млада сбавила шаг и огляделась уже с ббльшим любопытством. Торговцы здесь не голосили: знали, что за них все скажет их товар.

Тут же, неподалеку, раздавался приглушенный постук молота из небольшой кузни и гнусавый голос кузнеца, обещающего быстро починить все: от коромысла до кольчуги.

Коль судить по обилию оружия на Торге, в Кириате и окрестностях только и делают, что воюют. Здесь были длинные охотничьи луки, резные, почти в человеческий рост и клееные, гнутые, из которых так удобно стрелять верхом. Дальше – колуны с увесистыми оголовьями, легкие секиры и чеканы³. Млада без интереса прошла мимо. На мгновение дольше задержалась у стоек с мечами, но среди них не нашлось хоть сколько-нибудь достойного внимания.

Кто-то сильно толкнул ее в спину.

– Поосторожнее... – буркнула она, поднимая голову.

– Держите его! Ворюга! – взвизгнула позади женщина. – Держи-и-и!

Растревоженные люди загомонили, заозирались. Что-то скользнуло по бедру. Млада тут же опустила руку, пошарила по штанине, не веря. Проклятье! Ножны со скрамасаксом пропали – остались только обрезки тренчиков. Этот великолепный нож она купила совсем недавно. Выложила – ни много ни мало – двадцать семь сребреников наглому кузнецу в Ариване. А до того еще торговалась – едва язык не отсох.

Млада бегло осмотрелась. Коренастый парнишка с песоч-

³ Чекан – ударно-раздробляющее ручное холодное оружие с топоробразной боевой частью в виде клюва и плоского бойка на обухе, закрепленной проушиной на рукояти.

ного цвета вихрами мелькнул впереди. Ловко увернулся от очередного толчка в толпе, перепрыгнул через валяющийся у прилавка мешок. Откинул со лба волосы... Тонкие пальцы, чуткие; и сам юркий, как хорек. Он? Млада спешно двинулась за ним, стараясь раньше времени не привлечь внимание.

– Да вон же он! Держите! – снова взвился над головами звенящий нарастающим отчаянием голос.

Млада оглянулась. Вслед за ней неловко семенила темно-волосая молодая женщина, время от времени указывая рукой перед собой. Но люди не спешили бросаться за воришкой. Сестра по несчастью, значит... Млада ускорила шаг. Лавируя между горожан и уворачиваясь от новых тычков, она догнала парня и попыталась схватить за рукав.

– А ну стой, паскуда!

Но тот, не глядя, резко вырвался. Треснула ткань его рубахи под пальцами. Парень побежал, расталкивая всех, кто попадался на пути. Взлетели и посыпались в пыль кренделя и пышки с опрокинутого лотка булочника. Вскрикнула полнотелая баба, завалилась на прилавок с медом. Бортник гнусно выругался. Кто-то захохотал. «Ах ты, прыщ!» – зло шепнула сама себе Млада и снова рванула за вором.

Парень, понятное дело, знал город гораздо лучше ее. Вырвавшись из плена Торга, он резво припустил сначала по широкой улице, а потом свернул в какой-то закоулок. И запетлял, как заяц. Млада не отставала, но и догнать не могла. А

потому берегла силы, дышала ровно и легко. Люди шарахались от нее в стороны. От пыли свербело в горле. Ножны с мечом били по ноге, приходилось придерживать. Сползал с плеча дорожный мешок.

Вор часто нырял в переулки и подворотни, но скоро начал выдыхаться. Млада ждала, пока он ошибется и свернет в тупик, но не тут-то было. Вот его спина в намокшей от пота рубашке снова показалась впереди – и пропала за дверью постоянного двора. Млада следом шагнула в душный полумрак заведения.

Харчевня постоянного двора оказалась полна разным людом. Гомонящим, пьющим и смердящим каждый на свой манер. Все разнообразные запахи здесь смешивались в один, от которого перехватывало дыхание. Вонь онучей, дорожной пыли, осевшей на давно не мытом мужском теле, пережаренного мяса и кислого пива.

Млада сглотнула и, вытянув шею, в подрагивающей тьме постаралась углядеть воришку. Тот прятаться и убегать раздумал, словно уже никуда не спешил. Явно осмелев, он громко поздоровался с кем-то из гогочущих посетителей. А затем, даже не оборачиваясь, шмыгнул в соседний зал. Млада двинулась за ним, явственно чувствуя, как чуть пристают к липкому полу подошвы сапог.

Между столов сновали расторопные подавальщицы. Они мелькали незаметными тенями, стараясь убраться с глаз долой как можно быстрее. Ловко уворачивались от протягива-

ющихся к ним загребуших мужских рук и крыли отборной руганью особо настойчивых. Впрочем, увильнуть от внимания удавалось не всем.

– Эй, красуля! Постой, – Млада едва успела выдернуть ладонь из смыкающихся пальцев. – А и пес с тобой, курва...

Она сделала вид, что не слышит.

Вход в каморку закрывала замызганная, в сомнительных потеках занавесь. Маленький зал встретил едва не сбившим с ног всплеском хохота. От спертого ядреного запаха на глазах выступили слезы. Четверо мужчин, на вид местные, громкими пьяными выкриками как раз приветствовали беглеца. Но стоило войти Младе, как стало тихо. Только лавка загремела по полу, отодвигаемая садящимся за стол воришкой.

– Вот те раз, – вытаращился на Младу один, кудрявый и косматый, отчего похожий на давно не стриженного барана. – Ты сегодня отличился, Щука. Глядь, и бабу нам привел. А то те, что в харчевне, уж больно задрипанные.

Парень, которого назвали Щукой, вскинул голову и сжал губы. Молод совсем, едва ли четырнадцать зим справил. А уже кошели с поясов резать мастак – даже Млада с ее-то чутьем поздно спохватилась, не поймала за руку. А должна была! Таких, как он, за версту видно. Хотя за время службы Гильдии она научилась дружить с ворами. Те иногда могут рассказать много полезного.

Млада подошла ближе, чувствуя себя так, будто все пяте-

ро одновременно ее облапили. Стало тошно.

– Верни то, что взял у меня – и я тут же уйду, – проговорила она, не сводя с беглеца взгляда.

– Уж не о девичьей невинности ли речь? – паскудно осклабился кудрявый. – Коли нет, так мы быстро это поправим.

– Да ты глянь на нее, – отирая с бороды пивную пену, усмехнулся другой, конопатый, с неровным шрамом на шее под ухом. – Такая сама мужиков за шкурку берет да и пользует их, как хочет. У такой косу просто так на кулак не намотаешь, э!

– А што, с ней я готов. Пусть и за шкурку.

Кудрявый похабно смял пальцами штаны между ног. Мужики загоготали. Млада продолжала неподвижно давить взглядом Щуку. Неизвестно, что он читал в ее глазах, но как будто становился меньше и бледнее с каждым мгновением. Шуточки дружков его, похоже, вовсе не забавляли.

Мужик, сидящий ближе всего к Младе, широкой пятерней ухватил ее за бедро. Сжал от души и гаркнул довольно, с присвистом между недостающих зубов:

– Слышь, Щука. Ядреная девка-то!

Она шагнула шепелявому за спину. Одной рукой схватила за ворот рубахи и сильным толчком опрокинула лицом прямо в жирную миску. Подняла и приложила еще раз – грубее. Миска брякнула. Другой рукой Млада выхватила висящий на поясе мужика нож. Поддела острием его ноздрю. Окинула взглядом остальных, ошалело притихших. Только шепе-

лявый гладко и без запинки изрыгал потоки мерзкой брани.
– Хошь, оприходую прямо тут, а? – задумчиво произнесла она, склоняясь к шепелявому. Тот смолк, слизнул с губ брызнувший из миски жир. – Рожей об колено?

Мужик дернулся и наобум махнул увесистым кулаком, но Млада увернулась, продолжая держать его. Да еще и втиснула лезвие глубже. Из разрезанной ноздри потекла кровь. Шепелявый зарычал и брыкнулся еще раз.

Кудрявый вынул из сапога нож. Ударил. Млада выпрямилась, отклонилась и снизу вверх пнула стол. Тот опрокинулся, мужики шарахнулись в стороны. Загремели миски, покатились кружки, расплескивая по полу пиво. Щука, прикрыв ладонью нос, завыл – кровь хлынула между его пальцев. Меченый оттолкнул навалившегося на него дружка и попытался схватить Младу. Она вполоборота ушла от громадных рук. Секанула ножом по его запястью. Несильно – для остротки. Огляделась. Лишь бы не оказаться зажатой в углу. Она выхватила из ножен меч и выставила перед собой. Кудрявый, спотыкаясь о поваленные лавки, ринулся к ней и уперся грудью в острие.

Млада покосилась на скулящего в углу Щуку и повторила:
– Пусть вернет, что взял.

Она могла бы добавить, что иначе никто из пятерых не выйдет из этой каморки живым. Могла бы показательно разворотить кудрявому грудь мечом. Рассечь самым краешком лезвия яремную вену меченому, который приближался спра-

ва. Точно по его же шраму, но чуть дальше. Развернуться, поднырнуть под руку третьему и ударить его со спины. Обломком ножки стола разбить череп встающему с пола шепелявому и спокойно заняться Щукой. Но она не хотела сейчас крови и смертей. Не за тем в Кирият пришла, чтобы в первый же день перебить кучку местных.

В каморку ввалился одутловатый мужик в повязанном под круглым брюхом переднике. За его спиной виднелись еще два крепких молодца. Видно, то пришел хозяин постоянного двора, встревоженный шумом и грохотом мебели.

– Вы что тут устроили? – хрипло крикнул он и прокашлялся. – Хотите драться – проваливайте отсюда!

Млада опустила меч и бросила под ноги шепелявому его нож. Дружки Щуки понурились и отступили. Видно, нарочно с хозяином цапаться не хотели. Не зря сидят в отдельном зале – пьют и едят, небось, задарма. Хозяин, окончательно взяв себя в руки, еще раз мрачно обвел взглядом всех и остановился на Младе. Она кивнула на Щуку, который все так же сидел у стены и держался за сломанный нос. Кровь стекала ему на грудь.

– Он украл у меня нож. Пусть вернет.

Казалось, от этих слов на языке скоро будет мозоль. Хозяин двора неспешно оглядел Младу, удивленно приподнял брови и жестом отослал двух выжидательно стоящих позади мужчин. А потом повернулся к воришке.

– Давай, сопляк. Верни девице ее нож, коли вправду

украл! Вот ты где у меня уже сидишь, поганец, – он постучал ребром ладони под двойным подбородком.

Щука громко шмыгнул, отер губы и встал, обиженно зыря на остальных, за что тут же получил подзатыльник от меченого.

Млада выхватила у него из рук свой скрамасакс, едва удерживаясь от того, чтобы не дать мальчишке хорошего тычка в зубы. Щука уже развернулся было уходить, но она удержала его за плечо.

– И деньги той девушки верни, которую передо мной обокрал. Ну?

Парень, закатив глаза, цыкнул, сунул руку за пазуху и вынул оттуда кошель. Хороший, из плотной кожи, расшитый цветным узором да дорогими стеклянными бусинами по краю и обрезанному ремешку, которым крепился к поясу. Непростому человеку этот кошель принадлежит. Ох, непростому. Млада подбросила туго набитый монетами мешочек в ладони.

– Еще раз мне попадешься, Щука, – шкуру спущу.

Она последний раз оглядела хмурых мужиков и вышла из каморки. Брюхастый хозяин двора только и успел посторониться.

– Не повезло тебе, Щука... – было последним, что Млада услышала за спиной.

Она вышла наружу и почувствовала, как пыльный городской воздух прочищает легкие от вони харчевни. Возвраща-

щаться на Торг не очень-то хотелось – лучше было бы сразу повернуть к детинцу. Но нужно было попробовать найти хозяйку кошель. Негоже оставлять все так. Млада, хоть и видела женщину мельком, запомнила хорошо. Опять же привычка... дери ее.

Но возвращение на рынок ничего не дало. Незнакомку никто не разглядел. Да и как – в такой-то толчее? Млада продолжала сжимать расшитый кошель в ладони и кружить по Торгу, пока не поняла: еще немного – и подохнет прямо тут, под каким-нибудь прилавком, от голода или жажды. В нутре урчало и как будто ворочался холодный уж. Видно, не судьба той девице снова увидеть свои деньги. Но хотя бы тем прохвостам не достались.

Млада выскользнула с Торга, как жиром намазанная, и двинулась вверх по широкой улице. День за случайными хлопотами уже повернул к вечеру, а добраться до детинца так пока и не вышло. На всякий случай Млада остановила проходящую мимо бабу в расшитой кике и спросила, правильно ли идет. От женщины пахло травами и теплом дома. Почему-то от этого она располагала к себе.

Та пристально осмотрела Младу и вдруг остановила взгляд на кошеле в ее руке.

– Чей это кошель у тебя, деточка?

– Не мой. Отобрала у вора. Хотела хозяйку найти...

– Кажись, я знаю ее. Захаживает она ко мне, бывает. За травками, значит. Кошель-то приметный. Да и сама она тож.

Правду говорят, город – большая деревня. Все одно местные друг друга знают.

– Скажешь, где найти?

– А то ж! Аккурат там, куда ты идешь. В детинце она живет, значит, – женщина бросила еще один взгляд на кошель, но уже более неприязненный. – Служанка она, хоть с виду и не скажешь. Вишь, вещичка-то какая богатая. Не иначе любовник ейный подарил. Воев...

– Хватит, – Млада предупреждая подняла руку, останавливая готовый излиться на нее поток городских сплетен. – Значит, говоришь, правильно иду?

Женщина, обиженная, видно, тем, что ее прервали, поджала губы и махнула рукой вдоль улицы.

– Правильно-правильно, – пробурчала она. – Тут и не заблудишься. Ступай дальше – прям в ворота и упруешься.

– Спасибо.

Млада постаралась вежливо улыбнуться, но по взгляду бабы поняла, что ей это не очень-то удалось. Избегая дальнейшего разговора, она снова пошла к детинцу.

Травница не обманула: скоро его распахнутые ворота показались впереди, за поворотом улицы, а еще в паре десятков шагов от них шла та самая девушка. Сестра по несчастью. Домой она, похоже, не торопилась, будто там ее не ждало ничего хорошего. Почуввав взгляд Млады, она обернулась и остановилась.

Вблизи оказалось, что незнакомка не столь и молода, как

привиделось поначалу. В уголках темно-карих глаз уже зарождались мелкие морщинки, как и вокруг полных, приятного изгиба губ. Лицом же из-за островатого носа она напоминала ворону. И цветом иссиня-черных волос, сплетенных в две тугие косы – тоже. Ростом незнакомка была ниже Млады, но вот в кости пошире да телом побогаче. Видно, по дому-то сильно не усердствует.

– Здравствуй, – не так приветливо, как ожидалось, улыбнулась девушка. Скорее, ее улыбка была усталой... или осторожной. – Я вот смотрю, не ты на Торге за вором погналась?

Млада кивнула и протянула ей кошель.

– Поздорову. Думается, твоя это вещица?

Девушка быстро выхватила мешочек из ее ладони и прижала к груди, будто боялась, что его снова украдут прямо тут.

– Как?.. – пораженно проговорила она и выдохнула: – Спасибо. Ты нарочно за мной пошла, чтобы отдать?

– Да, я искала тебя на Торге, но не нашла. Но оказалось, что ты живешь в детинце. А мне как раз туда надо до зарезу, – Млада качнула головой в сторону ворот. – Что, стражники ваши суровы? Пустят меня али нет?

Взгляд девушки, потеплевший было на мгновение, снова отстранился, точно подернулся ледяной коркой.

– Смотря зачем идешь... Мож, и не пустят, – она пожала плечами, а потом надменно вздернула подбородок. – Но, коли хошь, могу за тебя словечко замолвить.

Ишь ты, цаца какая... Недаром одежда у нее получше да

почище той, которую обычно носят служанки. И держит себя совсем иначе. Видать, и правда непростая девица.

– Замолви, если понадобится, – согласилась Млада. Не в ее положении сейчас чураться помощи, хоть девушка нравилась ей все меньше и меньше.

– Звать-то тебя как?

– Млада.

– А меня Малушей кличут. Пойдем, чего на дороге зазря пыль пинать.

Показалось сначала, что у ворот детинца пусто. Здесь, похоже, никого не боялись: распахнутые настежь створки едва покачивал настырный ветер. Где-то вдалеке слышался неразборчивый гомон, а тут было тихо. У острогов все-таки прохаживались стражники, только к вошедшим в детинец будто бы и не повернулись вовсе. Млада старалась не слишком-то зевать по сторонам и не отставать от уверенно идущей впереди Малуши. Но невольно она все-таки приостановилась и, задрав голову, оглядела диковинный княжеский дом. Кажется, такие на западе называли «замок». Видно, местный князь в свое время много путешествовал, раз приказал возвести подобный в Кирияте, посреди немерских земель.

Стены его бугрились вытесанными из гранита блоками, и дом, хоть построившие его зодчие и не отличались мастерством, выглядел основательно и грозно. Он загибался подковой; на восточной, выходящей к посадку стороне к нему примыкала кряжистая башня с плоской крышей. С западной

стороны высилась другая – чуть меньше. Она была еще не достроена. Из посада над стеной детинца виднелись лишь самые их верхушки.

– Куда это вы припустили? – послышался за спиной мужской голос.

Малуша обернулась и поморщилась, глядя поверх плеча Млады. К ним подошел вооруженный копьем стражник, невысокий, темно-русый, с пробивающейся в бороде седinouй. За ним не сильно-то спешил другой, помоложе, еще безусый, но выглядящий гораздо внушительнее.

Малуша безразлично скользнула взглядом по нему и улыбнулась старшему.

– Так вот, знакомая моя давишняя хочет с воеводой поговорить. Дело у нее к нему, понимаешь?

Стражник ехидно сощурился:

– А ты, Малушка, сталбыть, ее учить взялась, как с воеводами разговаривать?

Женщина вдруг покраснела и мельком зыркнула на Младу. Та не шевельнулась, продолжая разглядывать часовых. Тот, что помоложе, уставился на нее с плохо скрываемым любопытством.

– Тебе-то что? – огрызнулась Малуша. – Говорю же, дело у нее.

Бородатый хмыкнул и многозначительно переглянулся с напарником.

– Ваше бабье дело – в поварне хлопотать. Ты тут нос не

задирай. Мне твои шашни с верегом погоды не делают. А Бажану некогда, небось, с приبلудной девкой лясы точить, — повернулся он к Младе. — Хоть лоб расшиби.

Вот и замолвила Малуша словечко. Только хуже сделала.

Млада дослушала стражника, подождала, пока безусый перестанет ухмыляться, и кивнула в сторону замка.

— В дружину поступить хочу. Меч-то у меня не для красоты к поясу привешен. Проводишь к воеводе или мне самой его искать?

Малуша возвела очи горе и пошевелила губами. Бородатый стражник удивленно вскинул брови, будто не ожидал, что Млада вообще умеет говорить.

— В дружину, значит? — он усмехнулся и глянул на молодого, который упорно молчал. — Девиц в дружине у нас еще не было. Есть, конечно, бабы бабами, но чтобы так...

Его напарник беззвучно рассмеялся и указал на Младу острием копья.

— Да пусть идет, Витоня. Вдруг могучего воина от ворот прогонишь? Будешь маяться потом всю жись.

— Может, хочешь сам перед Бажаном кланяться за нее? — фыркнул бородатый.

— Кланяться — не кланяться, а провожу. Заплутает, чего доброго.

Тут же Малушу как ветром сдуло. Вот она стояла и сердито сопела рядом, а в следующий момент только и мелькнула подолом поневы далеко впереди да скрылась во внутрен-

нем дворе. Млада благодарно кивнула молодому стражнику и под тихое ворчание бородатого пошла за ним.

Шли недолго, обходить замок не пришлось. Прямо сквозь него был проход внутрь «подковы». Они минули темную глубокую арку, и тут же на Младу обрушился шумный, бурный поток жизни детинца.

Здесь пахло недалекоими конюшнями, мясной похлебкой из поварни и измочаленной под десятками ног травой. По всему двору раскинулись обширные деревянные навесы ристалищ. Все они были заполнены крепкими кметями. Дружинники сражались друг с другом, стреляли из луков и самострелов по мишеням. Балансируя на узких бревнах, пытались достать подвешенные на толстых веревках и раскачивающиеся от каждого удара тяжеленные мешки с песком. Чуть дальше были ристалища поменьше – там шли тренировки отроков, совсем юных и тех, что постарше, готовых, верно, через несколько лун пройти Посвящение.

Вдруг подумалось, что если Младу и примут сегодня в дружину, то сначала придется прислуживать в доме вместе с малолетними отроками. Эта мысль даже позабавила: вот уж славно она будет смотреться рядом с сопливыми мальчишками! Однако решение принято, и теперь во что бы то ни стало ей нужно попасть в дружину, какими бы окольными путями это ни вышло. Пусть заставят чистить конюшни, а придется задвинуть гордость подальше и помалкивать. Умений это не уменьшит, а вот лишний раз кочевряжиться – только себе

вредить.

Стражник, ни на мгновение не задержавшись, провел Младу стороной вокруг ристалищ к выстроившимся одна за другой дружинным избам. Все они были приземистыми, длинными, сложенными из толстенных бревен. Какие-то, видно, давнишние, другие – еще пахнувшие сосновой смолой. Расспросив о чем-то сурового и чуть измученного на вид кметя, стражник махнул рукой Младе. Она подошла, чувствуя на себе колкие взгляды снующих кругом парней.

– Жди здесь, – заговорщически произнес часовой и скрылся в избе.

И уж как бы ни успела закалить жизнь, а стало не по себе. Многое приходилось слышать о княжеском воеводе Бажане. Что-то случайно, что-то выведывать нарочно. Поговаривали, прошлое у него настолько туманное, что другой раз люди не решались о нем судачить. Однако все твердили как один: воевода служил раньше у отца здешнего князя Драгомира – в расположенном далеко на западе Новруче. А потом ушел вслед за молодым правителем, попав при этом в большую немилость к его родителю. Семьей воевода так и не обзавелся... Может, потому что нрав имел крутой и ворчливый. Но князь его ценил и доверял ему.

Младе уже показалось, что она долго вынуждена будет празднично наблюдать за кметями, как над плечом грянул звенящий сталью голос:

– Как звать тебя, блоха?

Млада обернулась, не веря своим ушам. Это она-то блоха? И только увидев воеводу, поняла, что такое замечание из его уст не столь уж оскорбительно. Бажан возвышался над ней на целую голову, а в плечах был шире едва не вполтину. Окладистые, с проседью борода и усы его обрамляли твердо поджатые губы, прищуренные серые глаза излучали подозрительность. Млада, все же рассерженная небрежным обращением, шумно втянула носом воздух. Но ответить не успела.

– Ты что, Денко, немую ко мне привел? – глянул Бажан на стражника; тот лишь плечами пожал.

– Меня Младой зовут.

Воевода скрестил руки на груди.

– Не, ты глянь, разговаривает! Что, дорогой ошиблась... Млада?

Он в который раз оглядел ее с головы до пят, чуть задержавшись на висящих у пояса ножнах. Издевается, значит. Ведь такие, как он, сразу отличат воина от того, кто только хочет им казаться. И потому Млада удержалась от грубости. Пусть ерничает, раз охота. А ей лишний раз огрызаться не к лицу.

– Не ошиблась, – она окинула воеводу ответным взглядом. – В дружину поступить хочу. Или стражник ваш не сказал?

Воцарилось молчание, но через мгновение его нарушил раскатистый хохот воеводы.

– Да тебя разве что в поварню взять можно,стряпню гото-

вить, – Бажан смахнул выступившую от смеха слезу. – Дружинники еще покалечат тебя мимоходом, – и добавил уже серьезно: – Думаешь, меч стащила у отца и уже воином стала?

Млада лишь стиснула зубы.

– Поставь против меня любого своего воина, воевода, и узнаешь, что я могу. А то так до утра препираться можно.

– Да, препираться любая баба сильна. Только не каждая мечом махнет так, чтобы себя саму не зарубить, – Бажан хмыкнул. – Но раз ты утверждаешь, что способна победить любого из княжеских воинов, то пойдем. Будем проверять твои воинские умения. А ты, Денко, на пост свой иди. Неча тут без дела слоняться.

Вслед за воеводой Млада прошла между ристалищ. И все это время ей хотелось поежиться, словно от чьего-то настойчивого взгляда, не тяжелого, но изучающего. Она даже несколько раз обернулась, но ни один из кметей не смотрел на нее так, будто разбирал на части и проникал под кожу. Странно. Видно, почудилось. И немудрено – столько народу вокруг.

Наконец воевода остановился у дюже людного ристалища. Там парни, кажется, из-за чего-то повздорили. То и дело слышались запальчивые выкрики дружинников, а им отвечали такие же злобные, но как будто на чужом языке.

Бажан мрачно обвел взглядом толпу, но разводить спорщиков по углам не стал. Только выждал маленько, еще раз

посмотрел на Младу, насмешливо крикнул и обратился к дружинникам:

– Так. Кто желает сразиться с этой доблестной воительницей, чтобы мы смогли по достоинству оценить ее боевое мастерство?

Млада нахмурилась: его слова прозвучали с откровенной издевкой. Заинтригованные кметы притихли и как один повернулись к воеводе. Напряжение, которое ощутимо окутывало их мгновение назад, испарилось. Парни тихо запереговаривались. Послышались смешки.

– Ты что, Бажан, шутковать тут вздумал? – раздался откуда-то из-за спин зычный возглас. – Хочешь, чтобы мы ненароком зашибли ее? Ну уж нет! Ты бы еще с дитем сражаться велел!

Среди дружинников пронесся нарастающий гогот. Парни, переговариваясь, решили было вернуться к своим делам, кто-то начал расходиться, но Бажан нарушил общее веселье:

– Ну, раз ты тут самый разговорчивый, Медведь, то вот и выходи сюда! А то языком махать все горазды. Ты лучше мечом помаши лишний раз – может, толку будет поболее!

Прозвище будущего противника настораживало, но обещало интересный поединок. Пробурчав что-то неразборчивое, Медведь вышел из толпы. Его вид вызвал удовлетворенную улыбку: придется попотеть. Он, как и ожидалось, был похож на огромного зверя. Темноволосый, всклокоченный после целого дня тренировок, заросший неровной щетиной.

Видно, недавно решил бороду отпустить. Ростом парень был не так высок, как воевода, но будто весь, включая голову, состоял из литых мышц. В огромной пятерне Медведь сжимал внушительный меч, и казалось, он с легкостью может разрубить человека напополам, едва махнув им. Кметь устало посмотрел на Младу, как на насекомое, недостойное внимания, но крайне надоедливое.

– Может, не надо? А, воевода? – Медведь сморщился, оглядываясь на товарищей.

– Поговори мне еще, – отмахнулся Бажан.

Затем воевода снова оглядел Младу, будто ожидая, что вместо нее сейчас возникнет дюжий воин, равный такому противнику, как Медведь. Она насупилась. И сколько можно-то?

– Мечи-то хоть турнирные возьмите: нам тут нечаянные убийства не нужны, – проворчал Бажан и нарочито безразлично отвернулся.

Медведь отдал свой меч собрату и взял вместо него увесистый и затупленный турнирный. Млада попросила для себя такой же. Ножны со своим клинком она сняла и, нисколько не смущаясь, отдала Бажану. Тот удивленно вкинул брови от такого нахальства, однако без возражений принял оружие. Ристалище, куда вышли Млада и ее противник, широким кольцом окружили любопытствующие дружинники. Послышались первые шуточки и подбадривающие возгласы. Некоторые весьма похабные. Бажан строго глянул на расшумев-

шихся кметей – и тут же стало тихо.

Млада приняла боевую стойку, зорко наблюдая за каждым движением Медведя. Дружинники затаили дыхание. Вдалеке послышался рассерженный окрик какой-то женщины и гомон отроков у конюшен. На лице кметя расплылась снисходительная улыбка, мол, не бойся, сильно бить не буду. Он, держа меч в опущенной руке, медленно обходил Младу сбоку. И нападать вроде бы не собирался. Млада улыбнулась в ответ одним уголком рта. Недобрая, знать, вышла улыбочка, потому что Медведь тут же помрачнел.

Первый удар кметя пронзил пустоту. Млада отклонилась. Скользящим шагом ушла в сторону. Удовлетворенно хмыкнув, Медведь развернулся в новом выпаде. Меч его ударился о клинок Млады. Громкий лязг звоном отозвался в ушах. Она отступила, наклонила меч, давая оружию Медведя соскользнуть. Крутанула в развороте. Не тут-то было! Кметь рукоять не выпустил. Ну что ж – попытка не пытка.

Шаг назад. Выдох. Обманное движение острием меча.

А Медведь не промах. На уловки Млады не попался. Почти. Тяжелые, но не слишком точные удары посыпались один за другим. Быстро, в связке. Проворный кметь – и не гляди, что огромен, как валун. Двигается плавно и уверенно. Но слишком торопится отделаться от навязанной воеводой обязанности.

И потому ни один из его ударов не достигал цели. Млада уворачивалась и наносила удары в ответ. Кружила, то и де-

ло доставая кметя кончиком меча со всех сторон. Она знала: воевода все видит. Но поединка тот не останавливал. Друзинники вокруг молчали. Лишь иногда тишина разрывалась шелестом их коротких шепотков.

Младу охватывал знакомый ритм боя, когда чувствуешь все движения противника наперед. Знаешь, куда он ударит в следующий момент, и успеваешь исчезнуть с этого места, прежде чем он занесет меч. Медведь гонялся за ней, как пес за осой, отставая на шаг, на полшага. И злился все сильнее.

А Млада будто снова слышала слова Ворона. Тихие, отрывистые, направляющие. Две зимы и два лета пришлось наработать умения под его строгим руководством уже после расставания с Наставником. Бесконечные тренировки теперь давали о себе знать – тело работало уверенно и вместе с тем легко.

В свой ритм Млада вовлекла и Медведя. Загнала его в ловушку. Задавила скоростью и неуловимостью движений. Кметь хватал ртом воздух. Рубаха вокруг его шеи намокла от пота. Удары стали более размашистыми и далеко не такими быстрыми, как поначалу. Млада уже почти не отбивалась. Только отклонялась, уворачивалась – дразнила.

Очередная атака Медведя снова провалилась. Пора и честь знать. А то так и помрет здесь от разрыва сердца. Млада по дуге зашла ему в спину. Прошлась мечом по животу, а затем приложила между лопаток. Кметь не удержал равновесие, качнулся и рухнул на одно колено. Млада приблизи-

лась. Обхватила ладонью его подбородок и запрокинула голову. Медведь оскалился и опустил взгляд на затупленное лезвие меча, которое уперлось ему в шею.

Среди дружинников пронесся удивленный вздох.

– Ты убит, – тихо произнесла Млада над ухом кметя. – Половчее надо быть.

Тот глухо рыкнул и дернулся из хватки. Млада отпустила его и отошла. Дружинники шумно встретили Медведя, кто-то похохатывал над ним, кто-то пытался утешить. Кметь только огрызался и исподлобья косился на Младу. Знать, сильно осерчал.

Бажан молча и хмуро взирал на поверженного воина, не сходя с места. А потом перевел взгляд на Младу, и в нем почудилось смутное узнавание. Как будто во время поединка он что-то понял или о чем-то догадался. Уловил в движениях Млады что-то знакомое. Это было бы скверно. Но догадки не всегда перерастают в уверенность, а вот доверия могут поубавить.

Млада спешно двинулась к воеводе, чтобы забрать меч, но не успела. Бажан медленно вытянул его из ножен, осмотрел – и помрачнел еще больше. Нехорошо.

– Гляжу, меч-то у тебя занятый, – проговорил он, лишь Млада подошла. – Правда из хадымской стали или ариванская подделка?

– Может, и подделка. Я у торговца не выпрашивала, – невозмутимо соврала она. – Хороший клинок – мне этого

достаточно.

– Хороший... – задумчиво согласился Бажан, глядя ей за спину. – Им ты, думается, сражаешься так же ловко, как в поединке.

– Скромничать не буду...

– И не надо. Я все прекрасно вижу сам, – воевода протянул Младе ножны и помолчал, пока она застегивала пояс. – Вот только любопытно мне. Чего это воительнице, столь умелой, рваться в дружину? Таких, как ты, я видал редко, но все же видал. Обычно они ходят в наемницах у купцов, толстых как кошелем, так и брюхом. А по ночам делят с ними постель. Чем не жизнь? Если разбойники стрелами не утычут на каком большаке. А ты пришла издалека – и в дружину. Здесь денег и почестей куда меньше.

– С детства мечтала, – осклабилась Млада. – Вот и пришла.

Бажан, понятное дело, не поверил. И снова глянул в сторону замка, будто ждал чего-то.

– Тяжелое, видать, детство у тебя было, – он усмехнулся, не догадываясь, насколько оказался прав. – А ты знаешь, что мы в поход на вельдов собираемся? Спокойно в детинце отсидеться не выйдет.

– Знаю.

– И все равно хочешь стать кметем? – кажется, он искренне удивился.

– Я же до сих пор тут. Слушаю болтовню княжеского во-

своды. Значит, хочу.

Бажан коротко рассмеялся.

– Остра ты на язык, Млада. С таким умением друзей не наживешь. Мужик, знаешь, не любит, когда ему девка в бок мечом тычет, да еще и посмеивается.

– Мне до любви кметей дела нет, – она повела плечом, окидывая взглядом снующих кругом дружинников. – Ты мне голову не морочь, воевода. Говори, возьмешь в дружину, или я пойду к князю схожу?

– Ты погоди, не скачи, – беззлобно ответил на грубость Бажан. – Вот блоха, она блоха и есть. Не нужно к князю идти. Сам он уже решил к нам наведаться.

Воевода кивнул на кого-то, кто приближался со спины. Млада оглянулась и тут же охолонула, позабыв о допросе Бажана, который едва удалось удержать в безопасном русле. Уж больно не хотелось много о себе рассказывать – ни к чему.

Со стороны замка шел высокий, стройный, но сильный на вид мужчина. Сразу смекнуть можно – воин. Солнце, которое уже низко клонилось к закату, обрисовывало сиянием рукоять висящего на поясе меча и серебряные чеканные бляшки на поясе. Кмети молча и уважительно расступались, провожали князя взглядами. И вокруг становилось невероятно тихо. Даже как будто перестал буянить жеребец, которого вели мимо ристалищ. А конюший перестал крыть его забористой бранью.

Одет правитель был просто, как и многие здесь: вышитая

рубаха да темные суконные штаны, заправленные в высокие, почти до колена, сапоги. Но при виде его Млада подумала, что готова была бы провалиться на этом месте, если бы спутала его с обычным дружинником. То ли дело в завидной выправке, то ли в спокойном и величавом интересе, с которым он смотрел на других, но Млада, никогда и никому до сего дня не служившая, вдруг поняла каждого мужчину здесь.

Вблизи оказалось, что князь гораздо моложе Бажана. Пожалуй, лет на пятнадцать. Морщины еще не успели изрезать его лицо с породистыми, чуть неправильными чертами, а на голове и в короткой бороде не было ни одного седого волоса. Правитель остановился рядом с воеводой и неспешно оглядел Младу. Тело пронзило теми же странными ощущениями, что она испытала недавно. Как будто Драгомир умел проникать сквозь кожу и выворачивать душу наизнанку. Теперь стало понятно, чей взгляд она чувствовала. Это было необычно, но в то же время интригующе. Казалось, от князя нельзя утаить ни одной мысли.

Но вопреки опасениям, Драгомир приветливо улыбнулся.

– Мне уже рассказали о поединке. И, судя по тому, что Медведь ходит как в воду опущенный, он удался на славу, – князь повернулся к Бажану. – Что скажешь, воевода? Стоит брать девицу в дружину?

Но по голосу правителя было понятно, что никаких возражений он не примет. Так, интересуется для порядка. Бажан тоже это понял – помолчал, размышляя. Похоже, по ка-

ким-то только ему известным причинам принимать Младу в дружину он не хотел. Но и тех самых причин называть не собирался.

Наконец воевода вздохнул, глядя в сторону:

– Хальвдана стоило бы спросить.

Кто-то из отирающихся неподалеку дружинников громко хмыкнул на его слова. На него зашикали. Князь тоже улыбнулся, опустив голову.

– Раз уж Хальвдана пока нет, то и решение не ему принимать, – проговорил он жестко. – А пока пусть девица обустройства. Такого воина прогнать – все равно что дружину обокрасть.

Бажан скривил губы. Не иначе через себя переступает.

– Только с девицами ее поселить надобно. Кметь – не кметь, а все одно девка. Кабы чего не было... – он обвел взглядом дружинников.

На лицах некоторых парней расплылись ехидные улыбки. Даже смурной после поражения Медведь, который тоже подтянулся ближе и прислушивался к разговору, ухмыльнулся. Да уж, девиц пощупать каждый из них горазд. Оказаться посреди разгоряченной постоянными тренировками мужской ватаги – еще этого не хватало. Не то чтобы Млада их опасалась. Просто отбиваться замаешься.

– Уж вы разберитесь, где ее поселить, – пожал плечами князь и повернулся было уходить, но задержался. – И зайди потом ко мне, Бажан. А ты, Медведь, пойдешь темницы сто-

рожить, если и впредь будешь девицам в драках уступать.

– Так они ж пустые, княже, – попытался возразить тот, – темницы-то.

– Значит, будешь следить, чтобы туда никто не пробрался, – усмехнулся Драгомир и похлопал его по плечу.

Дружинники хохотнули. Медведь сокрушенно понурился, пряча глаза. Князь неспешно пошел к дому. И только когда он исчез из виду, Млада поняла, что не сказала ему ни слова благодарности. Да и вообще все это время простояла молча, как воды в рот набравши. Может, и правильно... Нечего на разговор с князем набиваться, тем более что в разговорах Млада была не сильна. Правда, в душе поселилось странное беспокойство и кожу как будто до сих пор жгло от пристального княжеского взгляда. Что за наваждение!

– Ты часом в землю не выросла? – голос Бажана чуть не заставил вздрогнуть. Млада вздохнула и подняла на него глаза. Воевода цыкнул, качнул головой. – Пойдем, покажу тебе клеть, где жить будешь.

Млада двинулась было следом, но Бажан вдруг остановился.

– И да, – сказал он, едва обернувшись. – Князь сам сюда спустился, чтобы распорядиться насчет тебя. Такого сроду не бывало. Значит, что-то он в тебе увидел. И, если ты хоть в чем-то его разочаруешь, не оправдаешь его доверия – я лично сломаю каждую кость в твоём теле, блоха.

Млада не нашлась, что на это ответить. Но, думается, от-

вета воевода и не ждал.

Горница, куда поселили Младу, оказалась светлой и просторной. Небольшие окна выходили на восток: двора с дружинными избами из них не видать – лишь стена да один из острогов. Наблюдай за стражниками сколько влезет. Да только не хотелось. Оказалось, что в клетки живут еще две девушки: их аккуратно застеленные лавки стояли у стен. На одной лежали большие пальцы с зажатой в них рубахой – кажется, мужской, – Млада проверять не стала. На другой – редкий костяной гребень, а рядом с ней стояла резная прялка. На веретене было намотано уже много нити.

Рукодельницы, значит.

Млада вздохнула и бросила дорожный мешок на свободную лавку. Уж более неподходящее соседство, чем две девицы, сложно для себя придумать. Хотя она тоже рукодельница. Только о ее ремесле вечером у зажженной лучины не поговоришь.

Сидеть в пустой горнице – только время терять. Млада решила вернуться во двор: оглядывать тренировочное поле дружины куда интереснее, чем углы в комнате. В конце концов, теперь предстояло служить с кметями бок о бок долгое время. Не сказать, чтобы это очень радовало – привычка всегда быть одной давала о себе знать, – но сейчас куда денешься. Захотела идти до конца – будь добра терпеть и несколько сотен дружинников вокруг, и девиц. Сама пришла, никто за руку не тянул.

Солнце уже скрылось за стеной детинца. Многие кмети разбрелись по дружинным избам. Некоторые особо упорные продолжали потеть на ристалищах. Отроки откровенно бездельничали и глазели на рослых старших собратьев, собираясь кучками. А что – тоже наука.

Млада устроилась на лавке за спинами мальчишек и невольно приросла взглядом к гурьбе необычно светлокожих, по сравнению с остальными, мужчин. Почти у всех волосы были рыжими или выгоревшими на солнце едва не до белизны. У многих они были частично заплетены в косы у висков или на затылке. Но больше всего внимание притягивали их глаза: голубые или светло-серые. Холодные. Мужчины стояли недалеко от Млады и переговаривались, тоже наблюдая за тренировками собратьев. Только ни одного слова из их речи она понять не могла.

Послышались шуршащие по сухой траве шаги – и рядом сел Медведь, заняв едва не всю оставшуюся лавку. Даже Младу чуть подвинул.

– Вереги, – проговорил он не слишком-то тепло. Показалось даже, сплюнет себе под ноги. – Те еще говнюки. А без своего воеводы совсем распоясались.

Да, Млада слышала что-то и о втором воеводе князя – Хальвдане. Но о нем говорили намного меньше, чем о Бажане. Видать, его жизнь была куда более прозрачной и куда менее загадочной.

– Никогда их не видела, – после короткого молчания нехо-

тя ответила Млада.

И так наговорила за день – хоть седмицу теперь молчи. Ее вполне устраивало и одиночество на этой вот лавке. Но не гнать же Медведя.

– Где ж ты жила до этого? – кметь панибратски подтолкнул ее плечом.

Млада тихо скрипнула зубами.

– Где жила, там меня уже нет.

– Ну, не хочешь – не говори, – усмехнулся Медведь. – А я из деревни Рысей – Беглицы. Тут в пяти десятках верст от Кирията будет.

Млада повернулась к нему, стараясь вложить во взгляд все безразличие, на которое была способна. Но на кметя это не подействовало. Он только внимательнее всмотрелся в ее лицо, и вдруг улыбка сползла с его губ. Тут-то стало видно, что без этой дурашливой ухмылки он даже хорош собой. Млада снова отвернулась. А вот Медведь продолжил смотреть, как заколдованный.

– Не в обиде на меня? – пробормотала она. Лишь бы это переставшее быть приличным изучение ее прекратилось.

Медведь кашлянул.

– На что обижаться? На то, что уступил в схватке хорошему воину? Глупости.

– Мало ли.

Пусть думает, что она – воин. Ни к чему Медведю знать, кому на самом деле он уступил в схватке. Победить ему было

почти невозможно. Но кметь не знал, и потому в его голосе слышалось легкое восхищение. Оно почему-то сильно раздражало. Млада часто чувствовала раздражение, когда думала о том, как научилась владению оружием и для чего случилось свои навыки применять. В дружине это как будто принимало другой оттенок, но сути своей не меняло.

Молчание затягивалось. Кмети стали расходиться, многозначительно поглядывая на Младу и примостившегося рядом с ней Медведя. Вереги во дворе тоже не задержались и двинулись вслед за остальными. Отроки убирали небрежно брошенное тут и там тренировочное оружие, кое-где зажигали закрепленные в держателях факелы.

– Пойдем, – вздохнул Медведь, – а то в трапезной места останутся только с краю столов. Ты голодная, небось.

И правда. А Млада и думать забыла, что так за весь день ничего и не съела. Пустое нутро, смирившись, уже давно перестало о себе напоминать. А теперь снова встрепенулось, заурчало. Она кивнула и пошла за Медведем.

В трапезной было душно и невероятнолюдно. И сейчас стало понятно, насколько много воинов в дружине. Они ронялись, как муравьи. Замученные отроки только и успевали проскальзывать между их могучих плеч, при этом умудряясь не ронять огромные братины⁴, из которых невыносимо вкусно пахло кашей. Другие разносили енды⁵ со сбитнем

⁴ Братина – большой глиняный горшок с ручками.

⁵ Ендова – низкая, большая керамическая или луженая братина с рыльцем, для

или широкие миски с вареной говядиной.

Медведь почти силой втиснул Младу ближе к середине одного из столов. Парни начали было ворчать, но увидев, кого усадили рядом с ними, просветлели лицами. Их взгляды подернулись знакомым масляным блеском, говорящим о том, что девушек к кметям подпускают нечасто. А в дружинных избах им появляться и вовсе запрещено.

Скоро, боясь лопнуть от съеденного, Млада облокотилась о стол и вслушалась в разговоры парней. Все кругом улыбались и просто излучали силу да молодецкую удаль. Блюда пустели, истории становились разнузданней. Голова тихо трещала от несмолкаемого шума, но все равно было хорошо и спокойно. Болтовня парней слилась в один сплошной гул, и Млада погрузилась в свои мысли. Теперь она видела, как в скором времени пойдет в поход со всеми этими мужчинами. Каждого из них вел вперед долг перед князем или своей семьей, хотя, может, кого-то вело и тщеславие. Не ей судить.

Такие разные и живущие как единое целое.

Млада перебегала глазами от одного лица к другому, натываясь на улыбки, любопытство и недвусмысленный интерес. Чужие люди, которые не успеют стать близкими. Многих имен она даже не запомнит. Ее вела вперед ненависть, горячая и не утихающая с течением лет. Сжимающая горло раскаленной рукой. Месть, заставившая сломать саму себя, превратиться в убийцу. Такой, как она, не место среди дру-

гих людей. Млада никогда и не стремилась к ним, окутанная безразличием ко всем, кто попадался на пути.

Сейчас ничего не изменилось. Не должно измениться. И как только умрут все вельды, до которых дотянется рука, она покинет дружину.

Глава 2

Млада ушла из трапезной, когда уже совсем стемнело. Лишь небо над стеной детинца еще отсвечивало последними искрами желтого осеннего заката. В замке стояла тишина, но, если прислушаться, можно было разобрать тихий гомон женских голосов в недалекой поварне. Да и наверху иногда приглушенно раздавались чьи-то шаги. Млада с первого раза хорошо запомнила путь по замковым коридорам и быстро дошла до клетки. Затворив за собой дверь, остановилась и прикрыла глаза. И только мгновением позже услышала тихое шебуршание.

– Вот не думала, что тебя здесь поселят, – недовольно отозвалась сидящая на своей постели с пальцами в руках Малуша.

Последняя ее доброжелательность испарилась, видно, еще днем, у ворот детинца. Теперь женщина смотрела на Младу исподлобья, недоверчиво посверкивая темными глазищами. Вторая же, более молодая девица, наоборот, рассматривала ее приветливо и удивленно, слегка приоткрыв рот. Отчего ее круглое и румяное лицо казалось глуповатым. Опомнившись, она коротко глянула на подругу и опустила голову, перебирая в пальцах кончик русой, толщиной в запястье, косы.

– А что ж ты думала, Малуша, – Млада неспешно прошла к своей лавке и села, убрав из-под спины дорожный мешок,

– что я в хлеву прозябать буду? Или погонят меня?

– Думала, с кметями поселят. Ведь ты вроде как не девица, а тоже дружинник теперь, – та ядовито усмехнулась.

Вот, значит, как. Кошель у вора отбирать – хороша была, а как рядом села, так сразу разонравилась. Поганая, однако, бабенка, эта Малуша. Не обмануло предчувствие.

– Меня Раска зовут, – ни к селу ни к городу влезла круглолицая девушка.

Млада глянула на нее, приподняв бровь.

– Млада.

– Сегодня только о тебе в доме и говорят, – затараторила девчонка, опасливо поглядывая на Малушу. Та же уткнулась в вышивку, будто и не слушает вовсе.

– Поговорят да перестанут, – Млада начала расшнуровывать нагрудник.

Правду сказать, она уже валилась с ног и с удовольствием легла бы сейчас спать, но соседки, похоже, укладываться пока не собирались.

Покусав губу, Раска некоторое время понаблюдала за тем, как Малуша выписывает на ткани стежок за стежком, а потом вдруг вскочила и шагнула к ней.

– Ну, тут же! Тут, не видишь, поехала голова у петуха?

Женщина с бешенством подняла на нее глаза и отдернула рубаху от ее рук.

– Сама разберусь!

Раска пожала плечами и снова уселась на место.

– А и вышивай, как хочешь. Хальвдану и так все равно будет.

Млада отвернулась, пряча улыбку. Затылок ощутимо жгло раскаленным взглядом Малуши. Раска, поняв, видно, что болтнула лишнего, вжалась спиной в стену. Молчание напололам с напряжением разрасталось огромным вязким комом. Казалось, от него скоро станет тяжело дышать. И стоило бы перевести неуклюжий разговор на другую тему, но Млада не удержалась:

– А что, второй воевода-то княжеский где? Только и слышу сегодня о нем, а увидеть не довелось.

Раска открыла было рот, чтобы ответить, но Малуша поспела раньше нее.

– Он еще не вернулся. Уехал по поручению князя, – нарочито безразлично произнесла она. – Ты повстречаешься с ним еще, и сохранят тебя боги, если ему к душе не придешься.

– И сохранят, если придешься... – тихо добавила Раска.

Малуша только фыркнула, продолжая сосредоточенно вышивать.

Млада вздохнула, переводя взгляд с одной соседки на другую и мысленно проклиная Бажана с его заботливостью. Уж лучше от кметей отбиваться, чем сидеть в комнате, пропитанной плотным духом извечного женского соперничества. Много раз доводилось видеть страшные последствия подобной едва сдерживаемой вражды. Но тут, думается, дело не

пойдет дальше зубоскальства. Не из того теста девицы.

Замаявшись сидеть в тишине, Млада переоделась, ополоснула лицо и шею из стоящего в углу ушата с едва теплой водой. В баньку сходить бы, да усталость с ног валит. Освежившись, она сложила вещи на лавку рядом с постелью, забралась под тонкое покрывало и молча отвернулась к стене. Разгоняемый лучинами мрак горницы давил на голову и веки.

Даже тихая возня соседок за спиной не помешала через мгновение провалиться в сон.

* * *

Это сновидение не навещало Младу очень долго. Наверное, лет десять. Воспоминания о нем шевелились в душе, точно обрывки прозрачного поутру тумана, но на поверхность не выбирались. А тут вспыхнули, как политые маслом раскаленные угли. И полыхали...

Полыхали дома вдалеке; над лесом поднимался дым, марая белые облака смрадной копотью. Млада чувствовала запах гари и боялась возвращаться. Наверное, должна была. Но не могла. Потому что так сказала мать. И Млада знала, что там, в Речной деревне – смерть. Повсюду. Пришедшая с отрядом всадников, диких, черноволосых и черноглазых, в

расшитых угловатым узором кожаных сапогах. С изогнутыми мечами на поясах.

В ушах еще звенел крик матери, влажной тряпкой в груди душил плач. Но Млада не позволяла себе разреветься. Ни сейчас, ни после. Никогда больше. Она укрылась за кустом бузины у пригорка и слушала отдаленный шум: ор, топот, треск горящих избушек бревен – звук, с которым умирала деревня. Умирал ее род. Не слышно было плеска Нейры неподалеку, стихли птицы в ветвях. Затаились. Только стая ворон, чуя скорый пир, пронеслась в вышине, запятнав землю россыпью теней.

Млада не могла уйти дальше – ноги не слушались. Она сидела там, где силы покинули ее, и вздрагивала от озноба в разгар лета. Одна. Больше в лес никто не побежал. Босых ступней касались прохладные стебли травы – Млада даже не успела обуться. Влажная от росы земля промочила рубаху. По руке полз муравей. Бузина шелестела над головой.

С тех пор Млада ненавидит запах бузины...

– Млада! Проснись! Ты чего? – кто-то настойчиво потрянул за плечо.

– Прочь! – она вскочила, зажмурившись. Махнула рукой.
– Уходи!

Тихий вскрик – и брякнул упавший на пол светец. Лучина погасла. Снова стало темно. После короткой, перемешанной

с гневным бормотанием возни огонек снова зажегся.

– Глянь на нее! Совсем шальная, – пораженно проговорила из своего угла Малуша, посматривая на трущую ушибленную щеку Раску. – Говорила же тебе: не лезь.

– Дык она выла так, что стража на улице, небось, услышала!

Млада отняла ладонь от бедра, к которому прижала ее в надежде нащупать кинжал. И хорошо, что его не оказалось. Иначе Раска могла пострадать еще больше. Ладно если порезом отделалась бы, а то ведь сдуру и насмерть можно пырнуть. Соседки застыли на своих местах, поглядывая недоверчиво и с легким отвращением. Так на улице смотрят на ободранную полоумную нищенку честные горожане, проходящие мимо.

– Прости, Раска, – Млада вздохнула и прислонилась спиной к прохладной стене. Сжала пальцы, до боли вонзая ногти в ладонь. – Просто скверный сон. Пес знает, что на меня нашло.

Девчонка поморщилась и еще раз тронула скулу.

– Коли синяк будет – так и скажу, что это ты меня побила, – она вдруг облегченно улыбнулась.

– Скажи. Этому никто не удивится.

– Эдак ты нас тут всех синяками отметишь, если каждый раз спросонья кулаками будешь махать, – проворчала Малуша, снова укладываясь.

Это уж точно. Проклятый сон. И с чего бы ему снова ста-

новиться таким ярким, будто все произошло только вчера? Не иначе виновато возвращение на земли, которые за много зим забылись так крепко, что уже и родными-то не казались. Хоть смутно помнила Млада и этот холм, где сейчас стоит Кирият, и озеро, примыкающее к нему с северо-запада. Раньше тут были деревни. Давно. Говорят, многие из них погибли так же, как и Речная. Истреблены жители, сгорели дома... И землю ее, верно, топтали косматые кони тех же черноглазых всадников, впечатывая в нее кровавые следы подков.

Подохнуть бы вельдам в Пекле! Каждому из них.

Долго бы ему пустовать, холму, омытому людской болью, если бы Драгомир не возвел здесь город. И за суетой развернувшейся вокруг жизни как будто забылось все, что произошло какой-то десяток лет назад. Или попросту люди об этом молчали. Млада же по дороге в Кирият нарочно обошла стороной то место, где раньше стояла Речная деревня, пусть ее и тянуло туда, как воловьей упряжью. Хотелось взглянуть на нее еще раз, напиться злостью сызнава. Посидеть на берегу Нейры под ивами, пройти тропой, которая увела ее далеко от дома, сгинувшего в пожаре. Но она только ехала по Южном тракту, не сворачивая. Теперь думала, что, может, и надо было потратить лишний день, но дойти. Ведь больнее уже не будет. Никогда.

Соседки снова улеглись спать, а Млада так и не сомкнула глаз до самого утра, чувствуя, как отвратительной много-

ножкой елозит по хребту сегодняшний сон. Все никак не хочет уходить. Изводит. Косое, бледное пятно света упало через окно на стену и поползло вниз. Где-то в городе, а может, и в детинце, звонко заорал петух.

Тихо посапывала Раска, Малуша спала беспокойно и постоянно ворочалась, сбивая в ком простынь. Показалось даже, что всплакнула. Млада прикрыла веки, полежала так немного и решила вставать. Все равно уже не уснуть.

В клети было зябко: хоть и жарко днем, а все ж осень на дворе – по ночам одно что не подмораживает. Млада, чувствуя тяжесть бессонной ночи и нетерпение требующего разминки тела, села на лавке и опустила ноги на холодный пол. Отдернула на миг, морщась, но усилием воли встала. И только потом открыла глаза. Стараясь не шуршать и не греметь ножами, она собралась и вышла во двор.

Тут же остатки сна смахнуло прохладным утренним ветром. Рассвет уже разлил по легким облакам зыбкий пурпур, но, будто наигравшись, в следующий миг заменил его сияющим золотом. Вдалеке, в темных зарослях деревьев, которые отсюда нельзя было разглядеть, звонко чирикали зарянки. Млада, на ходу надевая перчатки и разминая плечи, пошла к ристалищам. Город и детинец еще спали, не нарушая утреннюю тишину гулом голосов и обычных дневных звуков; только у южных ворот стражники менялись на посту, лениво поругиваясь между собой.

Но оказалось, что выйти поутру на пустующие ристалища

решила не одна Млада. В разбавленных солнцем сумерках разминался незнакомый светловолосый мужчина; по земле за ним послушно скользила вытянутая бледная тень. Он легко управлялся с длинным полуторным мечом, искусно выполненным и явно хорошо сбалансированным. Разминался вдумчиво и последовательно, заставляя работать каждую мышцу. Прохлада, видно, совсем его не беспокоила: обнаженная широкая спина лоснилась от пота, но дыхание не было тяжелым, да и движения, уверенные, плавные, говорили о том, что он устанет еще нескоро.

Умелый воин, опытный. Уже переставший по-юношески расточительно относиться к собственной силе и мастерски управляющий ею. За таким и понаблюдать украдкой не стыдно. Млада медленно и тихо подошла, прислонилась плечом к опоре навеса.

Под крышей скрипнуло – и влажный утренний воздух будто бы осыпался на землю. Воин развернулся в выпаде и замер, тут же опустив руку. Несколько мгновений он серьезно и нагло оглядывал Младу, ее оружие, потом дернул белесой бровью и отвернулся. Будто ничего интересного не увидел. Млада в изумлении качнула головой. Ни тебе расспросов, ни шуточек. И мало-мальского приветствия не удостоилась. Хотя и она хороша: так же молчала да рассматривала его, наверное, так же нахально. Даже успела заметить застарелые шрамы на правом боку воина и витую серебряную гривну на шее.

Казалось, знакомство тем и закончится – можно уходить. Однако мужчина заговорил, и в его низком, глубоком голосе неожиданно послышалась улыбка.

– Не знал, что по возвращении меня подстерегает здесь такая приятная неожиданность, – он прошел к ограде ристалища, взял висящее на ней полотенце и снова повернулся к Младе. – Так вот она какая, нашумевшая вчера криг’хэррэ! Медведь, небось, до сих пор во сне вздрагивает и мамку зовет. Бедолага.

Едва заметный акцент, как и необычная для здешних мест наружность, выдавали в воине чужеземца. И родича тем верегам, которых довелось видеть накануне. Уже смутно догадываясь, кто перед ней, Млада неспешно приблизилась.

– А я гляжу, все княжеские воеводы скоморохами подрабатывают в свободное от службы время, – ответила она, остановившись неподалеку.

Кажется, колкие слова вовсе его не задели. Воевода только громко хмыкнул и еще раз сверкнул на Младу синими, как лазурит, глазами, расчесал пятерней выбритые на висках волосы – не иначе по укладу северных воинов. И вдруг улыбнулся, холодно и жестко.

Вспышкой в памяти возник яркий осенний день. Один из многих в детстве. Млада была на ярмарке с родителями. Тогда было хорошо. Ароматными были лесные орешки в небольшом кулке, купленные за грош у лоточника. Улыбчивыми – люди вокруг. И сестра – совсем не вредной. Жизнь

бурлила и обхватывала горячими объятиями. Солнце лило тепло на прилавки торговцев. Вдалеке шумела толпа, собравшаяся, видно, вокруг чего-то очень интересного. И Млада, позабыв про все вокруг, со всех ног поспешила увидеть диво, что привлекло столько народу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.